Леонид Венгеровский

Часы не бегут от времени

книга третья

Си-бемоль мажор

или одиннадцать дней тишины

Леонид Венгеровский

Си-бемоль мажор или одиннадцать дней тишины

«Автор»
2026

Венгеровский Л.

Си-бемоль мажор или одиннадцать дней тишины /
Л. Венгеровский — «Автор», 2026

«Си-бемоль мажор или одиннадцать дней тишины» — заключительная часть масштабной авиационной саги-трилогии «Часы не бегут от времени». Икона гражданской авиации и любимец женщин Гордон Кэмп встречает в кабине «Боинга» достойного соперника — второго пилота-женщину. И эта встреча полностью переворачивает его представление о мужском мире авиации.
Его друг и напарник по Вьетнаму Питер Сиверс сталкивается с семейным кризисом — его брак с Кристиной Кэмп дает ощутимую трещину. Питер не знает, что причина охлаждения Кристины совершенно не та, о которой он подумал. Проза невероятно осязаема. Музыка Баха и Шопена переплетается с утробным рыком моторов V8 Corvette Stingray, футуристической эстетикой терминала Worldport Pan Am в Нью-Йорке и сыростью набережных Сены в Париже. Главный драматургический парадокс романа: люди, способные укрощать многотонные машины в экстремальных условиях стратосферы, оказываются эмоционально беспомощны перед простыми земными правилами жизни.

© Венгеровский Л., 2026
© Автор, 2026

Леонид Венгеровский
Си-бемоль мажор или одиннадцать дней тишины

Часы не бегут от времени
Книга третья
СИ-БЕМОЛЬ МАЖОР ИЛИ ОДИННАДЦАТЬ ДНЕЙ ТИШИНЫ

ЧАСТЬ 1

1
1979г.

Яркое солнце лениво оседало за окном, окрашивая гостиную в мягкие янтарные тона. В углу тихонько шуршало радио, выдавая легкую, убаюкивающую мелодию Bee Gees, а из кухни уже доносился едва уловимый, домашний запах грушевого пирога с корицей. Дом Кена и Мэгги сохранил свой уют и невероятное тепло, к которому тянулись дети и внуки при каждом удобном случае. Жаль только, что такие случаи представлялись не очень часто.

— Скоро девяносто, Мэг, ты можешь себе представить? — Кен задумчиво потрепал за ушами Барни.

Уже совсем старый, глуховатый колли замер и блаженно зажмурился, не шевелясь. Его черная с проседью шерсть блестела на солнце. Барни обожал Кена, его хрипловатый голос и эти вечно теплые, мозолистые ладони, пахнущие табаком и старым деревом.

— А мне как будто меньше! — Мэгги Хиггинс, поправив уютную домашнюю шаль на плечах, придирчиво рассматривала кашемировый жакет цвета обожженной глины на глянцевой странице свежего, пахнущего типографской краской осеннего выпуска «Knitting World».

— Тебе-то меньше! — Кен с нежной усмешкой почесал Барни загривок, и пес довольно, утробно заурчал, словно огромный кот. — Когда я с парнями из третьего батальона палил из ружей в окопах Франции, ты еще с косичками в школу ходила и в классики прыгала.

— Вот ведь вспомнил, старый ворчун! — Мэгги, прикусив кончик карандаша, сосредоточенно просчитывала петли и сложные изгибы схемы вязки на полях блокнота. — Между прочим, Кен, в школе я была жуткая оторва. Настоящее наказание для учителей.

— Да ты и сейчас не лучше, Мэг, — Кен хитро улыбнулся, опустил очки со лба на переносицу и посмотрел на жену поверх стекол.

— Нет, правда! — Мэгги быстро черкнула что-то в блокноте, с тихим шелестом отложила журнал на журнальный столик и по-детски подперла щеку кулаком. — Как-то раз меня оставили после уроков в пустом классе. Наказали за то, что я не выучила какую-то глупость, уже и не вспомню что. Я дождалась, пока миссис Коридж выйдет на школьный двор, высунулась в окно и вылила ей ведро грязной воды прямо на ее парадную шляпку! Ох, сколько крику было на всю улицу!

Мэгги мечтательно улыбалась, глядя куда-то сквозь стены, словно видела ту испуганную девчонку из далекого прошлого.

— И что твой папаша? — спросил Кен, и его плечи затряслись от беззвучного смеха.

— Задал мне по первое число, неделю сидеть не могла! — она вдруг посерьезнела, опустила руки и мечтательно посмотрела на мужа. — Знаешь, Кенни… я бы сейчас все на свете отдала за то, чтобы… ну, чтобы опять было пятнадцать лет. Чтобы все только начиналось.

— Ха! Скажешь тоже, Мэг, — Кен вздохнул, и этот вздох был полон светлой грусти. — Это каждый старик отдал бы. Чтобы опять проснуться здоровым, веселым, глупым, со всеми зубами и верой, что вся жизнь еще впереди.

Он тяжело, опираясь на подлокотники, вылез из глубокого кресла. Суставы ныли, как всегда, при смене погоды. Кен поморщился и с трудом разогнул затекшую поясницу.

— Я ведь тоже когда-то мог пахать сутками без продыху, а в темноте видел так же четко, как днем. А сейчас… эх, да что там говорить.

Кен начал неспешно бродить по комнате, заложив руки за спину. За ним, преданно цокая когтями по паркету, семенил Барни, то и дело заглядывая хозяину в лицо и ловя каждый его взгляд.

— Но зато, Мэг, у нас есть настоящее сокровище, — Кен остановился у комода, где в серебряных рамочках стояли десятки семейных фотографий. — Дети, внуки. Дай бог, и правнуков на руках покачаем. Ты-то уж точно дождешься, ты у меня крепкая.

— А ты-то куда собрался, интересно? — Мэгги напускно строго сложила руки на груди, хотя в углах ее губ дрожала улыбка.

— Я? — Кен замер у окна и смешно засунул руки в карманы своих безразмерных фланелевых домашних штанов. — Ясен хрен куда… Туда, куда всем положено.

— И не думай болтать глупости, Кен Филлипс! — Мэгги качнула головой, и ее аккуратные седые кудри коснулись щеки. — Хоть ты и стал несносным, ворчливым дедом, без тебя мне тут одной оставаться… ну, совсем неинтересно. С кем я препираться буду?

Кен вдруг замер, засмотревшись на то, как закатное солнце золотит верхушки кленов в саду, и его лицо разгладилось. Он неожиданно, как часто бывает со стариками, перепрыгнул мыслями в другое воспоминание:

— Вот помню, Мэг… Притащил мне как-то Бобби — ну, Бобби Рэджис, хромой такой, ты же помнишь его? Так вот. Притащил он мне на задний двор свой трактор. Год это был двадцать третий… или двадцать четвертый… Да! Точно — двадцать четвертый, нашей Энни как раз четыре исполнилось, она от меня не отходила. Ну так вот. Трактор этот был — чистая развалина, живого места нет. Старый «Фордзон» с ржавым в хлам валом отбора мощности и погнутыми грунтозацепами. Я раскидал его по винтику на верстаке, вожусь с железом. И тут смотрю: крошечная Энни утащила откуда-то два грязных сальника, зажала в кулачках, смотрит на меня своими огромными глазищами и заявляет так серьезно: «Папа, давай вместе тинить это дельмо!»

Комната взорвалась их общим, дребезжащим, но таким родным и искренним смехом. Кен хохотал до кашля, Мэгги утирала выступившие слезы уголком своей шали. Они смеялись над старой шуткой, которой было больше полувека, но которая согревала их каждый раз, напоминая о временах, когда они были молоды и бесконечно счастливы.

— Ох, Кенни… «тинить дельмо», надо же было такое придумать, — Мэгги наконец глубоко вздохнула, пряча мокрый от слез платок в карман. — Ладно, пошли на кухню, пирог попробуем. Пора готовить ужин. Будешь курицу? – Мэгги подняла вверх указательный палец. — Кстати, Энни звонила. Опять, говорит, переезжайте к нам в Колорадо, дети разъехались, комнаты пустые стоят и места сколько хочешь.

— Нет, Мэгги. Я не поеду. Мы тут сами возимся и слава богу. – Кен уселся за стол, наклонился к блюду с пирогом и сильно потянул носом. – С ума сойти как пахнет, Мэг. Так вот, я хоть и чинить ничего особо не могу, но в мастерскую свою заглядываю. Инструмент протереть, ножи поточить. Соседи по старой памяти чего-то принесут подправить. Все ж какое-то дело.

Мэгги кивнула и принялась колдовать над кофе, а старый Барни уже подкрался к Кену, зная, что ему обязательно перепадет кусочек самого вкусного домашнего пирога.

2

В понедельник Кен Филлипс по многолетней привычке поковылял утром в мастерскую. Погода стояла солнечная, хотя октябрь в этих краях обычно редко баловал теплом. Сегодня Кен чувствовал себя неплохо и решил немного убраться в своем железном логове – протереть пыль и кое-что почистить от масла.

За ним семенил старина Барни. Они устроились каждый на своем любимом месте и Барни навострил уши. Он начинал ворчать каждый раз, когда со стороны дома доносился скрип половиц – это был их общий с Кеном сигнал. Если шла Мэгги, Кен тут же прятал дымящуюся самокрутку в банку из-под антифриза и принимался с невинным видом крутить точильный камень.

— Кенни! Ты опять там дымишь? – доносился из дома голос Мэгги

— Я? Нет! – кричал в ответ Кен, подмигивая псу.

Соседи заходили каждый день. Молодой парень Билли как-то притащил цепную пилу, задыхавшуюся на средних оборотах; фермер Хэнк принес тупые ножи для сенокосилки. Кен никогда никому не отказывал. Он садился на свой старый дубовый табурет, брал в руки деталь и просто смотрел. Иногда его совет стоил недели работы в официальном сервисе в Буффало. Его звали просто – дядя Кен, и для этого городка в сотне миль от ниагарских шлюзов он был живой историей.

***

Но сегодня городок по-настоящему загудел: местный зажиточный фермер и владелец лесопилки Эл Мосс купил чудо инженерной мысли – новенький, пахнувший свежей краской грузовик Ford F-750 с тяжелым дизельным двигателем. Для городка это было событие. Эл гордился машиной, как породистым жеребцом.

Но через две недели случилась беда. Грузовик, груженый отборным лесом для отправки в Буффало, намертво встал прямо посреди главной улицы, перекрыв выезд к шоссе. Он заводился, работал три минуты, а затем начинал страшно кашлять, выплевывал облако черного дыма и глох. При попытке тронуться с места мотор издавал такой звук, словно внутри него перемалывали ведра с болтами.

Эл рвал и метал. Из Буффало на шикарном седане приехали два молодых парня в чистых комбинезонах – сертифицированные мастера из дилерского центра. Они привезли с собой новейшие диагностические приборы, схемы и огромный ящик с инструментами.

Городские специалисты копались в моторе целый день. Они поменяли топливный насос, заменили фильтры, отрегулировали форсунки. Результат был нулевым. Машина заводилась, дымила и умирала.

— Дело или в качестве литья блока, — авторитетно заявил старший из мастеров, вытирая руки белой тряпкой. – Или, что скорее всего, вы, мистер Мосс, залили какое-то дерьмо вместо топлива. Теперь придется эвакуировать машину на платформе в Буффало, снимать двигатель и отправлять на завод. Это займет недели три. Сумму пока не могу назвать, но думаю выйдет не дешево.

Для Мосса это означало крах контракта и огромные неустойки. На площади собралась половина городка. Жители хмуро смотрели на парней из Буффало. И тут кто-то негромко сказал:

— Надо позвать дядю Кена.

Эл Мосс побежал за Кеном, а собравшиеся на площади мужчины наперебой принялись рассказывать мастерам из сервиса самые невероятные случаи ремонта, главным героем которых был знаменитый дядя Кен.

Кен пришел не спеша, опираясь на элегантную трость, которую ему подарил Гордон в прошлом году. Поддержать себя за локоть он Элу не разрешил: «Девочек будешь держать

за ручку, понял?». Старый механик подошел к сияющему хромом капоту Форда. Молодые мастера скрестили руки на груди, ухмыляясь.

— Ну что, дедушка, где тут карбюратор, знаешь? – подмигнул один из них.

— Стой и не трещи, — весомо заметил Кен и повернулся к Моссу, — Заведи его, Эл, только газ не трогай.

Эл прыгнул в кабину. Дизель отозвался тяжелым, неровным рокотом. Кен не полез под капот. К удивлению толпы, он отошел к задней части грузовика, встал около огромной выхлопной трубы и… закрыл глаза.

Все замерли. Старик просто стоял и слушал. Его седые брови хмурились, ловя ритм выхлопа. Он вдыхал этот едкий дым так, словно это был его любимый табак. Прошла минута. Кен подошел ближе к раме, наклонился, насколько позволяла старая спина, и прижал ладонь к топливному баку, а затем – к магистрали. Его пальцы улавливали едва заметную вибрацию, недоступную никаким приборам.

Вдруг мотор снова чихнул, выбросил сажу и заглох.

Кен открыл глаза, повернулся к городским мастерам и спокойно спросил:

— Вы проверяли давление в системе по вашей умной книге?

— Разумеется! – огрызнулся парень. – Насос выдает три атмосферы на холостых.

— Это хорошо, — задумчиво ответил Кен, — дайте-ка, мне, парни, ключ на 5/8 и кусок медной проволоки. Той, что потолще.

Мастера нехотя выдали все необходимое, ворча что-то про гарантийное обслуживание. Кен подошел к месту, где топливный шланг соединялся с баком. Закряхтев, он сам, лично, ослабил гайку штуцера. Из соединения брызнуло соляровое масло.

Кен взял кусок проволоки, загнул его крючком и аккуратно залез внутрь заборного отверстия. Затем он вытащил *это*на свет – небольшой, размокший от топлива круглый кусок упаковочного картона с выдавленным логотипом завода.

— Транспортировочная, — объяснил Кен, показывая находку притихшим мастерам из Буффало, — Заглушка. Понял? Ее какой-то умник тупо протолкнул внутрь заливным шлангом. На холостых бак дышал свободно. Но только Эл трогал газ, топливо подхватывало эту дерьмовую картонку и забивало заборную трубку на хрен! Ни один прибор вам не покажет, что плавает на дне бака. Ну давай, Эл, заводи.

— Эл Мосс молча залез в кабину и повернул ключ. Форд взревел. На этот раз это был чистый, уверенный рык мощного мотора. Эл включил первую передачу, нажал на газ – грузовик мягко и мощно тронулся с места, легко утягивая за собой тонны леса.

Толпа взорвалась аплодисментами, Кена хлопали по плечу. Городские мастера молча собирали свои чемоданы, стараясь не смотреть старому механику в глаза. Они уехали так быстро, что из-под колес их седана летела грязь.

Вечером того же дня Эл Мосс привез к дому Кена две огромные коробки: в одной был лучший кубинский табак, который только можно было достать в штате Нью-Йорк, а в другой – ровно дюжина бутылок выдержанного ирландского виски Jameson. Поставив коробки на пол, Эл еще раз вернулся к машине и принес увесистую сахарную кость для Барни и шикарный новозеландский шерстяной плед для Мэгги. Фермер молча крепко пожал руку Кену и вышел из мастерской.

А Кен Филлипс тоже молча спрятал все это нелегальное богатство в один из бесчисленных ящиков в своем логове, взял плед и с криком «Смотри, Мэг, что тебе Эл принес!» поспешил домой. В этот раз Барни не стал преследовать хозяина. Он был очень занят своим, не менее замечательным подарком.

3

Колорадо-Спрингс. Академия ВВС

Осень в Колорадо-Спрингс в этом году принесла с собой хлесткие дожди. Из панорамных окон кабинета Суперинтенданта Академии ВВС США открывался вид на модернистский силуэт Кадетской часовни. Семнадцать серебристых шпилей, похожих на застывшие в падении крылья реактивных истребителей, врезались в холодное небо. Пронизывающий горный ветер лениво шевелил ветки деревьев.

Генерал-лейтенант Дэвид Кэмп стоял у стекла, заложив руки за спину. На нем был темно-синий китель, на левой стороне которого ровными рядами теснились планки наград за две войны. В свои шестьдесят четыре года Дэвид сохранял выправку тридцатилетнего пилота. Сейчас генерал думал о том, что войны и рыцари неба, пожалуй, остались в прошлом, а нынешние кадеты стремятся получить назначение в престижные воинские части или просто продвинуться по службе.

Каждое утро генерала начиналось по строгому, въевшемуся в подкорку регламенту: в 06:30 — обход территории, в 07:00 — чашка крепкого, черного армейского кофе без сахара, который пах дымом и дисциплиной. Дэвид повернулся к массивному дубовому столу, на котором в строгом порядке были разложены утренние сводки по метеоусловиям, рапорты интендантской службы и расписание полетов учебных Т-37.

Он сделал глоток обжигающего кофе, чувствуя, как привычная рутина успокаивает нервную систему. Академия была его гордостью, его личной цитаделью. Три с половиной тысячи кадетов, марширующих по этим бетонным плитам, были будущей воздушной элитой нации. И Кэмп лично отвечал за то, чтобы эти парни поднялись в небо с чистой совестью, с осознанием традиций нескольких поколений военных летчиков этой страны.

Раздался короткий стук в дверь кабинета.

— Войдите, — негромко, но властно произнес Дэвид.

Дверь приоткрылась, и в кабинет вошел его личный адъютант, капитан Макбрайд. Молодой исполнительный офицер, обычно щеголявший открытой улыбкой, сегодня выглядел так, словно только что вышел из зоны крушения. Он был взолнован, под глазами залегли тени, а пальцы, сжимавшие тяжелую папку из плотного картона, были заметно напряжены.

— Сэр, — Макбрайд вытянулся во фрунт, но его волнение все равно чувствовалось. — Срочное донесение. Полковник Брэдли из Комитета по чести просил передать это лично вам в руки. Без промежуточных инстанций.

Дэвид нахмурился. Полковник Брэдли никогда не паниковал по пустякам — этот старый вояка прошел с Кэмпом не один боевой вылет.

— Положите на стол, капитан. И закройте дверь с той стороны. Никого не впускать, телефонные звонки заблокировать.

Когда за адъютантом щелкнул замок, в кабинете воцарилась тишина. Генерал медленно опустился в кожаное кресло и пододвинул к себе папку. На обложке не было никаких исходящих номеров или штампов канцелярии. Только жирный черный маркер: «СТРОГО КОНФИДЕНЦИАЛЬНО. СУПЕРИНТЕНДАНТУ ЛИЧНО».

Дэвид раскрыл пластиковый зажим. Внутри лежал машинописный текст на плотной бумаге без подписи — классический анонимный рапорт, к которым в армии всегда относились с подозрением. Но стоило Кэмпу вчитаться в первые строчки, как его ладонь, державшая чашку с кофе, замерла в воздухе.

В рапорте не было эмоций. Там были только сухие цифры, факты, фамилии и даты.

«...В течение последних шести месяцев на базе третьей и четвертой кадетских эскадрилий действует организованная сеть по распространению экзаменационных материалов. Билеты с готовыми ответами по высшей математике, теоретической аэродинамике и основам навигации были похищены из-закрытого архива учебной части...»

Дэвид поставил чашку на стол. Сердце в груди тяжело забилось в ритме предвзлетной лихорадки. Он листал страницу за страницей, и перед его глазами разворачивалась схема профессионального, циничного предательства.

«*...Стоимость одного пакета с ответами для промежуточного экзамена составляла 5 долларов. Для финальных квалификационных тестов — 20 долларов. Расчеты производились наличными через тайники в раздевалках спортивного комплекса. На данный момент в схему вовлечено более ста кадетов, включая старшекурсников, готовящихся к получению офицерских званий в следующем месяце...*»

Пять долларов. Будущие защитники американского неба, парни, которым государство собиралось доверить штурвалы многомиллионных сверхзвуковых истребителей и ядерный потенциал страны, продавали свою офицерскую честь по цене двух обедов в придорожной закусочной.

Дэвид дошел до приложения к рапорту. Это был список. Длинный, упорядоченный по алфавиту список фамилий. Против каждой стояли номера курсов, оценки и суммы. Глаза генерала выхватили фамилию: Кадет старшего курса Томас Харрис. Лидер списка.

Кэмп откинулся на спинку кресла, чувствуя, как им овладевает нарастающая ярость. Томас Харрис был племянником действующего сенатора Харриса из Вашингтона — председателя комитета по оборонным ассигнованиям, человека, от одного росчерка пера которого зависело финансирование всей Академии на следующий бюджетный год.

Кодекс чести Академии ВВС США, выбитый на мраморной стене у главного входа, гласил: «Мы не будем лгать, шельмовать или красть, а также терпеть тех, кто это делает». Это был не просто текст. Это была религия Дэвида Кэмпа.

Генерал медленно закрыл папку. Он перевел взгляд на окно, где за шпилями часовни разгорался холодный колорадский рассвет. Буря, которая сейчас надвигалась на Академию, обещала быть разрушительной. И Дэвид Кэмп точно знал, что не станет уклоняться от этого грозового фронта. Он нажал кнопку селектора на столе:

— Макбрайд. Срочно вызовите ко мне полковника Брэдли и начальника караула. У нас боевая тревога.

4

В 14:00 трибуна Комитета по чести, обычно пустовавшая между сессиями, превратилась в филиал трибунала. В малом конференц-зале главного корпуса Академии, названного в честь генерала Арнольда, было темно и холодно. Окна здесь были узкими, похожими на бойницы, а массивный стол из темного дерева разделял комнату ровно напополам. С одной стороны, под светом единственной потолочной лампы, сидели генерал-лейтенант Дэвид Кэмп и полковник Брэдли. С другой — стоял кадет старшего курса Томас Харрис.

Харрис выглядел великолепно. Парадно-выходная форма сидела на нем как положено, белая рубашка хрустела от крахмала, а на запястье красовались часы Heuer Monaco в титановом корпусе из последней коллекции. Высокий, широкоплечий, с породистым лицом выпускника Лиги плюща и идеальной голливудской стрижкой, он не выглядел как подсудимый. Он стоял во фрунт, но в его осанке, в едва заметном наклоне подбородка сквозила ленивая, вальяжная уверенность человека, который точно знает: правила написаны не для него.

Дэвид Кэмп молча листал лежащие перед ним листы дознания. Часы на стене равнодушно отсчитывали секунды. Полковник Брэдли, сидевший справа, тяжело дышал, и его кулаки, были сжаты так, что побелели костяшки.

— Кадет Харрис, — наконец произнес Дэвид, не поднимая глаз от бумаг. Его голос звучал ровно, без эмоций, как у судьи, зачитывающего ведомость. — По показаниям трех кадетов младших курсов, зафиксированным под протокол, вы являлись главным координатором так

называемого «архива». Именно вы три недели назад передали пакет с ответами по навигации кадету третьего курса Фрейзеру за двадцать долларов. Вы подтверждаете этот факт?

Харрис даже не моргнул. Его взгляд скользнул по звездам на погонах Кэмпа, а затем переместился куда-то поверх головы генерала.

— Никак нет, сэр, — ответил он. Голос парня был уверенным, без тени страха или дрожи. — Я не имею никакого отношения к этим обвинениям. Кадет Фрейзер, очевидно, добросовестно заблуждается или пытается оговорить меня, чтобы смягчить собственную вину. Моя успеваемость за все четыре года обучения безупречна. Вы можете проверить журналы.

— Твоя успеваемость безупречна, потому что ты сам эти билеты и составлял, щенок! — не выдержал полковник Брэдли, резко подавшись вперед. — Мы перевернули твой шкафчик в казарме. Сейфовый замок, триста долларов мелкими купюрами в коробке из-под обуви и оригинальные бланки синьки с чертежами профилей крыла из-закрытого фонда! Откуда у тебя ключи от архива учебной части?

Харрис медленно перевел взгляд на полковника. На его губах на долю секунды показалась легкая, едва заметная тень снисходительной улыбки.

— Это мои личные сбережения, полковник. А бланки мне передал один из профессоров для подготовки к дипломной работе. Я имею право на углубленное изучение материала. Если у Комитета по чести есть сомнения, мой адвокат готов предоставить письменные разъяснения.

— Твой адвокат? — Дэвид Кэмп медленно поднял голову.

Глаза генерала, повидавшие слишком много за все годы службы, впились в лицо старшекурсника. В этом взгляде не было ярости — там был холодный, выверенный расчет боевого пилота, заходящего на цель. Харрис впервые за весь допрос едва заметно переступил с ноги на ногу. Он уже не выглядел настолько уверенно.

— В этой Академии нет адвокатов, кадет Харрис, — тихо, но так, что Брэдли невольно выпрямился, произнес Дэвид. — Здесь есть только ты, я и Кодекс чести, выбитый на мраморе. Когда ты заходил в этот кабинет, ты оставил свои вашингтонские привилегии за дверью.

Харрис молчал три секунды. Затем он слегка расслабил плечи, его выправка перестала быть уставной. Он сделал полшага вперед, опустив руки, и заговорил совершенно другим тоном — тоном человека, который привык договариваться на закрытых приемах в Джорджтауне.

— Генерал Кэмп... давайте будем реалистами, — негромко сказал Харрис, прищурившись. — Вы ведь умный человек. Вы ветеран. Прошли две войны. Вы прекрасно понимаете, как устроен этот мир. Мой дядя, сенатор Харрис, на прошлой неделе лично утверждал смету на модернизацию взлетно-посадочных полос вашей Академии на восьмидесятый год. Это одиннадцать миллионов долларов. Если этот... инцидент выйдет за пределы этого кабинета, начнется грандиозный скандал. Пресса разнесет ВВС в щепки. Пострадают все. Зачем вам это? В списке, который лежит перед вами — сто четырнадцать человек. Это лучшие семьи страны. Сыновья конгрессменов, племянники судей, парни, чьи отцы спонсируют предвыборные кампании в Белый дом. Это список неприкасаемых, сэр. Вы не можете отчислить половину выпускного курса из-за пятидолларовых шпаргалок. Это просто глупо.

Полковник Брэдли замер, ошарашенный такой наглостью. Он посмотрел на Кэмпа, ожидая, что генерал сейчас вызовет конвой и сотрет этого парня в порошок.

Но Дэвид Кэмп оставался абсолютно спокоен. Он медленно встал из-за стола, подошел к Харрису вплотную. Генерал был чуть ниже долговязого кадета, но сейчас казалось, что он возвышается над ним, как скала Пайкс-Пик над Колорадо-Спрингс.

— Список неприкасаемых, говоришь? — тихо переспросил Дэвид, и в его голосе послышался опасный, металлический скрежет. — Запомни, кадет. На высоте в тридцать тысяч футов, когда у твоего истребителя горит правый двигатель, а с хвоста заходит вражеская ракета, у неба нет списка неприкасаемых. Там плевать, кто твой дядя и сколько миллионов он утвердил

в Вашингтоне. Там работает только физика и твоя честность перед машиной. Если ты привык покупать ответы за пять долларов здесь, на земле, то в первом же воздушном бою ты продашь свою эскадрилью, чтобы спасти свою шкуру.

Дэвид повернулся к столу, взял тяжелую перьевую ручку и размашисто прочертил жирную красную линию прямо поверх фамилии Харриса в списке.

— Вы свободны, кадет. Конвой сопроводит вас в казарму. До особого распоряжения вы отстранены от всех занятий и полетов. Оружие и знаки отличия сдать дежурному офицеру.

Харрис побледнел. Его губы вытянулись в узкую нитку. Он резко вскинул руку к козырьку фуражки, развернулся через правое плечо и чеканным шагом вылетел из конференц-зала, с грохотом захлопнув за собой тяжелую дверь.

— Дэвид... — Брэдли поднялся, вытирая пот со лба. — Ты понимаешь, что он сейчас сделает? Он уже через пять минут будет звонить в Вашингтон. Нам устроят ад.

— Пусть звонит, — Кэмп швырнул ручку на стол и устало потер переносицу. — Пусть устраивает свой ад, Брэдли. По крайней мере, наш аэродром останется чистым. Готовь документы на общую комиссию. Мы отчислим каждого из этого списка. Всех до единого.

5

За окнами кабинета Суперинтенданта окончательно стемнело. Колорадская ночь была безлунной и холодной; тяжелые тучи полностью скрыли пики Скалистых гор, а пронизывающий ветер с воем бился в панорамные стекла, швыряя в них пригоршни дождя.

В кабинете горела лишь одна настольная лампа под зеленым абажуром, отбрасывая длинные, зловещие тени на стол. Дэвид Кэмп сидел в кресле, не сняв кителя. Перед ним лежала уже раскрытая папка — та самая, со списком ста четырнадцати фамилий, поверх которого теперь красовались красные резолюции об отчислении. Рядом стояла пепельница, полная окурков, хотя обычно генерал курил крайне редко. Ему нужно было дождаться этого звонка. Он знал, что Вашингтон не заставит себя ждать.

Ровно в 21:15 массивный аппарат спецсвязи, установленный на отдельной тумбе у стены, взорвался резким, требовательным звонком. Звук разорвал тишину кабинета, как сирена воздушной тревоги.

Дэвид не вскочил. Он медленно поднялся, поправил борта кителя, подошел к аппарату и снял тяжелую черную трубку.

— Генерал-лейтенант Кэмп на связи, — спокойно произнес он.

— Дэвид, привет. Это Артур, — из мембраны донесся глуховатый, чуть потрескивающий от помех дальней связи, но абсолютно узнаваемый голос заместителя начальника штаба ВВС США по кадрам, генерал-полковника Артура Харкса. Когда-то они пересекались по службе в Корее, но Харкс после ранения перешел на штабную работу. — Я звоню прямо из Пентагона, Дэвид. С неофициального терминала. У нас тут... жарковато, если понимаешь, о чем я.

— Догадываюсь, Артур, — Кэмп прижал трубку плечом и достал из пачки сигарету. — Наш Харрис уже успел пожаловаться дяде-сенатору?

— Это не смешно, Кэмп! — тон Харкса мгновенно изменился. Исчезло дежурное дружелюбие, уступив место интонации чиновника высшего ранга. — Дело не в Харрисе. Вернее, не только в нем. Нам на стол час назад положили копию твоего предварительного рапорта. Сто четырнадцать кадетов! Дэвид, ты в своем уме?! Ты собираешься одним росчерком пера выставить за ворота треть выпускного курса Академии?!

— Они не кадеты, Артур. Они жулики, — жестко отрезал Дэвид, щелкнув зажигалкой. — Они воровали и продавали экзаменационные материалы по пять долларов за штуку. По Кодексу чести нашей Академии...

— К черту твой Кодекс! — заорал Харкс на том конце провода, и Дэвид услышал, как генерал-полковник со злостью ударил ладонью по столу в своем вашингтонском кабинете. —

Спустись на землю, Кэмп! На дворе семьдесят девятый год. Бюджет ВВС на волоске. Сенатор Харрис завтра утром должен был подписать ассигнования на модернизацию твоей базы. Одиннадцать миллионов, Дэвид! Теперь он вне себя. Он прямо сказал: если его племянника закроют на гауптвахту или отчислят, Академия не получит ни цента. Мы заморозим программу учебных полетов на Т-37. Твои кадеты будут летать на бумажных самолетиках! Ты этого хочешь, старый упрямец?

Дэвид Кэмп медленно затянулся, выпуская сизый дым в темноту кабинета. Сердце билось ровно. Внутри него, на месте былой ярости, застыло спокойствие пилота, принявшего решение на мертвой петле.

— Значит, мы будем учить их на бумажных самолетиках, Артур, — тихо, но так, что помехи в трубке словно замерли, произнес Дэвид. — Но эти бумажные самолетики будут чистыми.

— Дэвид, послушай меня внимательно, — голос Харкса стал вкрадчивым, в нем послышался опасный, змеиный шепот вашингтонских кулуаров. — Никто не просит тебя прощать их. Мы все понимаем — парни оступились, молодость, глупость. Давай решим это как взрослые, системные люди. Харриса и еще пару человек из министерских семей мы переведем в другие летные училища с понижением в звании. Младшим курсам объявим строгий выговор с занесением в личное дело. Официально скандала не было. Пресса ничего не узнает. Сенатор сохранит лицо, Академия получит свои одиннадцать миллионов, а ты... Дэвид, на следующей неделе комитет рассматривает списки на присвоение четвертой звезды. Ты ведь хочешь уйти на пенсию полным генералом, верно? Твоя карьера была безукоризненной. Не ломай ее из-за пятидолларовых шпаргалок.

Дэвид Кэмп внимательно посмотрел на свои ладони. Перед его глазами вдруг пронеслась Лотарингия сорок четвертого года, разрезанное трассерами небо и лица тех парней из его эскадрильи, которые сгорали в боях, потому что бросались в страшные схватки друг за друга, не оглядываясь и не думая о смертельной опасности.

— Знаешь, Артур, в чем твоя проблема? — Кэмп стряхнул пепел прямо на полированный дуб стола. — Ты слишком долго сидишь в Вашингтоне. Ты забыл, как пахнет керосин. Ты предлагаешь мне продать четвертую звезду за молчание? Предлагаешь выпустить в небо пилотов, которые начали свою службу с подлога? Если парень привык покупать ответы на земле, он в первом же бою бросит свой ведомый борт, чтобы спасти свою шкуру. Я не выпущу этих сукиных сынов в воздух. Рапорт об отчислении ста четырнадцати человек подписан, зарегистрирован и отправлен в архив учебной части. Завтра утром он будет зачитан перед всем корпусом.

В трубке воцарилось тяжелое молчание. Было слышно лишь прерывистое дыхание Харкса. Когда он заговорил снова, его голос был холодным, как лед.

— Ты совершаешь самую большую ошибку в своей жизни, Кэмп. Твой рапорт — это твой собственный смертный приговор как офицера. Вашингтон этого не простит. Министр обороны лично сотрет тебя в порошок. Завтра же тебе предложат написать заявление об отставке по выслуге лет. Тебя отодвинут от ВВС навсегда. Ты превратишься в обычного гражданского старика, который будет доживать свой век на задворках Колорадо.

Дэвид Кэмп медленно улыбнулся — впервые за этот бесконечный, страшный день.

— Зато этот старик сможет каждое утро смотреть на себя в зеркало во время бритья и его не будет тошнить от собственного отражения. И, знаешь, Артур, я не доставлю Вашингтону такого удовольствия, как уволить меня с этой должности. Я сам подам в отставку, так как не желаю далее разгребать все эти нечистоты. Конец связи, генерал Харкс.

Он аккуратно, без стука опустил тяжелую черную трубку на рычаг. В кабинете снова воцарилась тишина, прерываемая лишь завыванием ветра за окном. Дэвид вернулся к столу, сел в кресло и потянулся к ручке, чтобы подписать приказы о конвоировании отчисленных. А заодно и собственный рапорт об отставке.

6

Утро следующего дня выдалось безжалостным. Колорадский туман плотной белой стеной прижал к земле взлетно-посадочные полосы, а пронизывающий до костей ледяной ветер, спускавшийся с гор, заставлял три с половиной тысячи кадетов, выстроившихся на главном плацу Академии, стоять неподвижно, словно изваяния. Кадетский корпус замер в парадном каре. Ни единого шороха, ни единого лишнего вздоха. Над серым бетоном разносилось лишь хлопанье тяжелого полотнища флага США, бьющегося на высоком металлическом флагштоке.

Генерал-лейтенант Дэвид Кэмп стоял на бетонном подиуме перед микрофоном. На нем была зимняя шинель, воротник которой обдувал ледяной ветер, но спина генерала оставалась прямой, как на параде в честь Дня поминовения. Чуть позади него, злой и осунувшийся, стоял полковник Брэдли, сжимая в руках тяжелую папку с приговором для карьеры ста четырнадцати кадетов.

— Равняйсь! Смирно! — громом разнеслось над плацем командное эхо дежурного офицера.

Дэвид Кэмп сделал шаг вперед к микрофону. Он обвел взглядом шеренги молодых кадетов. В их глазах застыло ожидание. Слухи о ночном звонке из Вашингтона и о масштабном расследовании Кадетского комитета по чести уже успели просочиться в казармы.

— Кадетский корпус, слушай мой приказ, — голос генерала, усиленный мощными динамиками, раскатился над плацем, отражаясь от стеклянных шпилей Кадетской часовни. В нем не было ни злости, ни торжества — за четверть века существования этой Академии её стены видели многое. Но они никогда не видели предательства такого масштаба. Вчера Комитет по чести завершил расследование. Сто четырнадцать кадетов третьей и четвертой эскадрилий были признаны виновными в систематическом подлоге, краже и продаже экзаменационных материалов.

По шеренгам прошел едва слышный, коллективный вздох. Среди замерших фигур в строю — и парней, и девушек — пронесся тихий шепот.

— Кодекс чести Академии ВВС — это не просто строчки на мраморе, — Кэмп перевел взгляд на левый фланг, где отдельно, без оружия, под охраной караула стояла группа из ста четырнадцати человек. Впереди всех, с высоко поднятым подбородком, но сжатыми до синевы губами, стоял Томас Харрис. — Это фундамент, на котором держится безопасность этой страны. Если офицер начинает свой путь с обмана за пять долларов, небо не примет его. У неба нет министерских квот и списков неприкасаемых. Там есть только физика, честность перед машиной и верность своему ведомому. Эти люди, которые стоят слева от меня, решили, что они умнее системы. Они решили, что их вашингтонские связи купят им право на полет. Они ошиблись.

Дэвид сделал короткий знак рукой полковнику Брэдли. Старый полковник шагнул вперед и раскрыл рапорт:

— За нарушение Кодекса чести Академии ВВС США, — голос Брэдли слегка дрожал от холода и волнения, — нижеперечисленные кадеты отчисляются из рядов Военно-воздушных сил без права восстановления и лишаются права на получение офицерских званий. Кадет первого класса Харрис. Кадет второго класса Фрейзер... — полковник начал читать длинный, безжалостный список.

С каждым именем из строя осужденных вызывался один человек. Они выходили на середину плаца, четко печатая шаг по ледяному бетону, и останавливались перед трибуной генерала. Сто четырнадцать молодых жизней, которые еще вчера казались безоблачным взлетным эшелоном.

Когда зачитали последнюю фамилию, Дэвид Кэмп спустился с подиума. Вместе с Брэдли они пошли вдоль шеренги отчисленных.

Генерал остановился напротив кадета Харриса. Парень смотрел прямо перед собой, его челюсти были сжаты с такой силой, что на щеках ходили желваки. Из Вашингтона ему так и не смогли помочь — Кэмп зарегистрировал приказ до того, как министр успел наложить вето.

Кэмп еще раз обвел взглядом отчисленных. Генерал скомандовал сам, и его голос без микрофона полоснул по ушам:

— Нале-во! Из Академии... шагом марш!

Строй понуро и не в ногу потянулся к административному корпусу. Обратного эшелона не было. Эти люди навсегда покидали небо.

Дэвид Кэмп снова поднялся на трибуну. Он посмотрел на оставшийся монолит кадетского корпуса и выдержал секундную паузу.

— Корпус, — тихо произнес он в микрофон, но его услышал каждый. — Мы потеряли сегодня много перспективных пилотов. Но мы сохранили офицерскую честь. Небо ждет тех, кто готов летать благородно. Равняйсь... Смирно! Напра-во! Шагом марш!

Загремели барабаны военного оркестра. Оставшиеся кадеты пошли мимо трибуны, идеально выдерживая ритм шага и отдавая честь своему генералу. Дэвид Кэмп стоял, прижав руку к козырьку фуражки. Три серебряные звезды на его погонах блестели на фоне уходящего тумана. Он знал, что его военная карьера закончилась прямо сейчас. Но, глядя на ровные, честные шеренги своих кадетов, генерал-лейтенант Кэмп точно знал: этот бой он выиграл.

7

Шум кадетского плаца и грохот барабанов остались позади. Дэвид приехал в Университет, к корпусу факультета аэродинамики.

Анна сидела за своим рабочим столом, заваленным чертежами профилей крыла и расчетными таблицами. Услышав шаги, она подняла голову и мгновенно все поняла. Ей не нужно было ничего объяснять.

Дэвид молча прошел к креслу у окна, тяжело опустился в него и бросил на край стола сложенный вдвое лист бумаги — официальный телетайпный бланк из Пентагона со штампом Министерства обороны США.

Анна взяла лист. Текст был кратким и казенным. Министерство ВВС принимает рапорт об отставке генерал-лейтенанта Кэмпа в связи с выходом на пенсию. Никакой четвертой звезды. Никаких почестей и прощального банкета в Вашингтоне. Система избавилась от неудобного генерала за двенадцать часов.

— Они прислали его через сорок минут после того, как Харрис покинул КПП, — тихо произнес Дэвид, глядя в панорамное окно на внутренний дворик, где капли дождя тяжело падали на ветви кленов. Его голос впервые за эти двое суток звучал уставшим, лишенным той командной твердости, что гремела над плацем. — Вот и всё, Анна. Сорок лет службы. Две войны. И рапорт на увольнение по телетайпу.

Анна медленно положила лист обратно на стол, прямо поверх своих математических выкладок. Она поднялась, обошла стол и села на подлокотник его кресла, мягко обняв мужа за широкие, слегка поникшие плечи.

— Ты сделал то, что должен был, Дэвид, — тихо, но уверенно сказала она, прижимаясь щекой к его седому виску. — Ты спас этих мальчишек от них самих. И ты сохранил Академию чистой.

— Я остался без неба, Анна, — Дэвид повернул к ней лицо, и в его глазах проступила горечь боевого пилота, которого навсегда привязали к земле. — Кому теперь нужен отставной генерал-лейтенант без полных регалий? Я сам закрыл себе все двери в ВВС. Я просто гражданский старик. Буду как Кен бродить по дому, мучить тебя своими придирками и читать старые газеты.

— Ты знаешь, Дэвид Кэмп, — Анна крепче сжала его плечи, и на её лице появилась та самая улыбка, которая когда-то в сорок четвертом году в Лотарингии сразила его наповал. — У меня неплохая интуиция. И мне, почему-то, кажется, что твое небо еще не готово с тобой попрощаться. К черту их вашингтонские звезды, дорогой.

Дэвид долго молчал, слушая её ровное, успокаивающее дыхание и глядя, как за окном в сером небе начинает пробиваться солнце. Затем он накрыл её ладонь своей большой рукой и впервые за этот день глубоко, с облегчением выдохнул. Его личный полет в рядах ВВС США был завершен. Но Кэмп верил своей жене и надеялся, что еще не вечер.

***

Сквозь панорамные окна сорок шестого этажа Pan Am Building, Нью-Йорк казался гигантским макетом из серых кубиков, зажатым между Гудзоном и Ист-Ривер. Голубое небо над Манхэттеном было раскрашено редкими белыми облаками.

Генерал-лейтенант Дэвид Кэмп сидел в глубоком кожаном кресле, сохраняя офицерскую осанку. На нем был гражданский костюм-тройка из темного английского твида – военную форму он снял три дня назад, закрыв ее в шкафу своего дома в Колорадо-Спрингс. На столике перед ним дымилась чашка ароматного кофе. Кэмп мысленно улыбался – Анна опять все просчитала на несколько шагов вперед.

Напротив, за массивным столом из полированного ореха, сидел Уильям Сейвелл – председатель совета директоров Pan Am. Рядом с ним расположился Фрэнк Лоуренс, старший вице-президент по кадрам, мужчина с усталыми глазами и дорогим золотым «Ролексом» на запястье.

Сейвелл отложил в сторону утренний выпуск The New York Times. На первой полосе красовался заголовок: «Кризис чести в Колорадо-Спрингс: Суперинтендант Кэмп уходит в отставку после отчисления 114 кадетов».

— Сто четырнадцать человек, Дэвид, — Сейвелл покачал головой, в его голосе слышалось уважение пополам с чистым деловым расчетом. – Среди них сын сенатора от Огайо и племянник генерала из минобороны. Вашингтон гудит как растревоженный улей. Белый дом в ярости. Они хотели замять это, назвав «технической ошибкой тестирования».

Кэмп посмотрел на главу Pan Am. Глаза генерала, видевшие горящий Лондон в сороковом и Корейское небо в пятьдесят втором, оставались непроницаемыми.

— Если будущий офицер покупает ответы к экзамену по аэродинамике, — Дэвид отпил маленький глоток из чашки, — завтра он продаст чертежи перехватчика или бросит ведомого в бою. Мне плевать на их фамилии, Билл. Они нарушили присягу. Я их отчислил. Министру нужны послушные трусы – теперь он ищет другого суперинтенданта.

Фрэнк Лоуренс слегка улыбнулся и бросил взгляд на Сейвелла. Настал идеальный момент для атаки.

— Именно поэтому вы здесь, генерал, — Лоуренс подался вперед, положив локти на стол. – в Вашингтоне честность называют «неудобной позицией». А в Pan Am честность – это единственное, что удерживает наши самолеты в воздухе. Мы прочитали статью вчера в шесть утра. Через час мы отправили за вами наш лучший борт в Денвер.

— Вы хотите нанять меня, чтобы утереть нос Пентагону? – Кэмп приподнял брови. – Символический жест для прессы? Избавьте меня от этого. Я слишком стар для пиар-акций.

— К черту прессу, Дэвид, — жестко перебил Сейвелл, и его лощеный вид топ-менеджера на миг уступил место жесткости бывшего армейского генерала. – Посмотри в окно. Авиация меняется. В прошлом году Картер подписал закон о дерегуляции. Нам на пятки наступают мелкие стервятники-лоукостеры. Мы теряем внутренний рынок. Но главная проблема даже не в деньгах. Самолеты стали другими. Новые широкофюзеляжные Боинги напичканы электроникой, а наши пилоты .. они застряли в эпохе Корейской войны.

Сейвелл встал, подошел к окну и указал на пролетающий вдали Боинг-747 с синим земным шаром на хвосте.

— У нас летают асы, ветераны ВВС. Они гордые, упрямые и считают себя богами. Командир воздушного судна в Pan Am привык быть абсолютным монархом. Если второй пилот видит, что командир совершает ошибку, — он молчит. Потому что боится раскрыть рот перед «героем Вьетнама». Два года назад из-за этого разбился борт на Тенерифе. Пилоты разучились работать в команде. Они не доверяют компьютерам. Нам нужна тотальная, жесткая реформа курсов переподготовки.

Лоуренс открыл кожаную папку и пододвинул Кэмпу контракт.

— Мы предлагаем вам пост Исполнительного вице-президента по летным операциям. База в Майами полностью переходит под ваш контроль. Вы создадите новую систему. Вы заставите этих небожителей сдавать экзамены заново. Новые авиасимуляторы, концепция взаимодействия в экипаже, стандартизация процедур. Нам нужен человек с вашим авторитетом. Тот, перед кем не сможет выругаться ни один обнаглевший тридцатилетний капитан Боинга. Потому что вы сбивали «Мессершмитты», когда некоторых из них еще и в проекте не было.

Кэмп перевел взгляд на контракт. Сумма годового оклада была астрономической по сравнению с его генеральской пенсией. Но его зацепило другое – вызов. Ему предлагали не почетную старость, а новую войну. Войну за человеческие жизни против человеческого упрямства.

Вы ведь знаете, Билл, что я не буду делать поблажек, — тихо сказал Кэмп, глядя Сейвеллу прямо в глаза. – Если ваш самый опытный пилот, любимчик совета директоров, провалит симулятор – я спишу его на землю без колебаний.

Сейвелл коротко усмехнулся.

— Дэвид, именно за этим мы вас и нанимаем. Закрутите им гайки так, как умеете только вы.

Генерал Кэмп выдержал паузу, аккуратно поставил чашку на стол и потянулся к внутреннему карману пиджака, доставая свой старый Parker. Решение он принял еще до того, как вошел в этот офис.

8

Боинг-747 авиакомпании Pan Am, огромный белоснежный лайнер с синим земным шаром на хвосте, мягко коснулся залитой осенним дождем полосы. Гордон Кэмп, словно в учебном фильме, посадил гигантский «Джамбо» после одиннадцатичасового перелета из Франкфурта.

Через сорок минут, сдав самолет технической службе, Гордон шел по стеклянному терминалу Worldport. Ему было тридцать четыре. Икона стиля и лучший пилот авиакомпании последних лет. На нем был темно-синий китель с четырьмя золотыми шевронами на рукавах, фуражка с золотым шитьем слегка надвинута на глаза, а на переносице красовались зеркальные очки-авиаторы Ray-Ban.

Мимо проплывали стюардессы в элегантных голубых костюмах, оборачиваясь ему вслед. Гордон был холост, хорош собой и зарабатывал огромные деньги. Женщины безуспешно пытались заманить его в свои сети, но планка Гордона Кэмпа была задрана в стратосферу. Гордон искал ту, что сможет, как мама, поддержать разговор о турбулентности пограничного слоя и при этом будет ослепительна в вечернем платье. Пока таких на его пути не встречалось.

Вьетнам научил его главному: машина подчиняется силе и точности. На гражданских авиалиниях его экипаж летал элегантно, а Кэмп заслужил статус главной звезды Pan Am.

Гордон толкнул тяжелую дверь закрытой комнаты отдыха экипажей в цокольном этаже терминала. Внутри пахло дорогим табаком, кожей и крепким кофе из автомата. За столами сидели другие капитаны — матерые мужчины в расстегнутых кителях, обсуждавшие новый контракт с профсоюзами и хаос после недавней Дерегуляции рынка.

— Эй, Кэмп! Наш золотой мальчик вернулся из Европы, — крикнул Фрэнк Макларен, капитан с седыми усами, ветеран компании. — Слышал новости? Нью-Йоркские воротнички из совета директоров совсем свихнулись. Нам прислали нового палача.

— Какого палача, Фрэнк? — Гордон с улыбкой снял очки, швырнул полетную сумку на диван и заказал у бармена стакан холодного чая.

— Исполнительного вице-президента по операциям. Должность пустовала полгода. — Макларен положил на стол внутренний циркуляр Pan Am, отпечатанный на синей бумаге. — Какой-то отставной генерал-лейтенант из ВВС. Пишут, что его выставили из Колорадо-Спрингс, потому что он не захотел лизать задницу сенаторам. И теперь этот сухарь переезжает в учебный центр в Майами. Вводит новые тренажеры, слепую посадку и какую-то чушь под названием «управление ресурсами кабины». Заставляет всех КВС, включая ветеранов, проходить переаттестацию. Если старик решит, что у тебя «плохой психологический климат в экипаже» — спишет на землю.

Гордон пригубил чай, лениво взял циркуляр со стола, пробежал глазами строчки и вдруг замер.

— Что такое, Гордон? Знаешь этого вояку по Вьетнаму? Говорят, он редкий сукин сын, когда дело касается устава.

Гордон медленно опустил стакан на стол. На его губах появилась улыбка, а в глазах блеснул мальчишеский азарт. С отцом у него были прекрасные, по-настоящему теплые отношения, они созванивались каждую неделю, но тот ни словом не обмолвился о новом назначении.

— Да, Фрэнк, я его знаю. — Гордон поправил фуражку, в его голосе прорезались уважительные нотки. — И ты прав: устав для него — это религия. Мой совет тебе и парням — начните зубрить инструкции по действиям в аварийных ситуациях прямо сегодня. Потому что этот «сухарь» не посмотрит на твои седые усы.

— Чего это ты за него так впрягаешься? — насупился Макларен.

Гордон нацепил свои зеркальные Ray-Ban, подмигнул проходящей мимо бортпроводнице и, взяв сумку, направился к выходу. На пороге он обернулся:

— Потому что это мой отец, Фрэнк. И через две недели в Майами мы с ним выясним, как управляет «Клиппером» капитан Pan Am, когда-то лучший выпускник его Академии.

9

Внутри огромного ангара учебного центра стояла влажная флоридская жара, но в компьютерном зале, где располагались новейшие гидравлические симуляторы Боинг-747, кондиционеры поддерживали арктический холод. Двенадцать командиров воздушных судов первой группы — элита Pan Am – сидели в креслах амфитеатра. Мужчины тихо переговаривались, в воздухе висело ощутимое напряжение.

Дверь открылась ровно в 8:00. Генерал Дэвид Кэмп вошел без шума, но разговоры мгновенно стихли. На нем был строгий костюм, в руках – папка-планшет с эмблемой компании. Гордон Кэмп сидел на заднем ряду, небрежно закинув ногу на ногу. Он едва заметно кивнул отцу. Генерал ответил ему мимолетным взглядом, подошел к стойке перед кабиной тренажера и обвел пилотов профессиональным генеральским взглядом.

— Доброе утро, джентльмены, — голос генерала прозвучал негромко, но отчетливо, с его неизменным британским выговором. Мен зовут Дэвид Кэмп, – Вы все знаете эти симуляторы, поэтому не будем ходить вокруг да около. Задание на сегодня: заход на посадку в условиях сплошного тумана, видимость категории III-A, сильный сдвиг ветра у земли. Ну и для полной картины — отказ радиовысотомера. На высоте принятия решения вам придется полагаться на барометрическую высоту, показания второго пилота и собственное чутье. Удачи! Начнем с опытных пилотов. Ричард Уотсон!

Сидевший в первом ряду плотный пятидесятилетний капитан Уотсон с тремя тысячами часов налета на Боингах, тяжело вздохнул и поднялся.

— Слушаю, сэр.

— Займите левое кресло в симуляторе, мистер Уотсон. Ваш правый пилот уже внутри. Покажите мне как летают боги гражданской авиации.

Гордон Кэмп на заднем сиденье подался вперед. Интрига ситуации заключалась в том, что отказ радиовысотомера на Боинг-747 при нулевой видимости – это кошмар. Бортовой компьютер при таких условиях не сможет выровнять многотонную машину перед касанием. Пилоту приходится выравнивать самолет вслепую, буквально наощупь ловя момент встречи лайнера с бетонной полосой.

Капитан Уотсон зашел в кабину симулятора и тяжелая гидравлическая дверь с шипением закрылась. Через минуту огромный куб тренажера на металлических поршнях ожил, начал крениться и дрожать, имитируя взлет и тяжелый полет в грозовом фронте. За стеклом операторского пульта, где сидел генерал Кэмп, на мониторах отображалась телеметрия полета.

Поначалу все шло гладко. Уотсон уверенно вел гиганта сквозь виртуальную облачность. Но на высоте 500 футов над землей, когда за «окнами» кабины стояла сплошная белая полоса тумана, генерал Кэмп протянул руку к пульту инструктора и щелкнул тумблером, имитируя отказ. Стрелка радиовысотомера на панели Уотсона замерла, а затем упала на ноль. Вспыхнул желтый аварийный индикатор.

— Отказ радиовысотомера, — донесся из динамиков напряженный голос второго пилота. – Высоту не вижу! Горизонт завален.

— Держу по барометру! – громко скомандовал Уотсон. Он вел самолет вручную, крепко сжимая пальцами штурвал. – Триста футов….двести..

Симулятор резко дернулся – генерал добавил боковой сдвиг ветра. Уотсона качнуло. В тумане полосы по-прежнему не было видно. По инструкции в 1979 году при таком отказе вслепую нужно было немедленно уходить на второй круг. Но Уотсон был старым асом. Он был слишком горд, чтобы сдаться на глазах у нового начальника и молодых коллег. Он решил сажать машину во что бы то ни стало.

— Сто футов…Пятьдесят… — читал второй пилот барометрические данные.

Уотсон рванул штурвал на себя слишком рано, пытаясь угадать землю. Боинг задрал нос, потерял скорость и с высоты тридцати футов буквально рухнул на воображаемую полосу. Раздался страшный грохот, симулятор бешено затрясся, симулируя подлом стоек шасси, и экраны внутри кабины вспыхнули зловещим красным светом. CRASH. Ошибка пилотирования. Смерть трехсот пассажиров.

Дверь симулятора открылась. Капитан Уотсон вышел наружу, тяжело дыша, с каплями пота на лбу. Он был бледен.

Генерал Кэмп медленно встал из-за пульта, держа в руках планшет. В зале воцарилась гробовая тишина.

— Мистер Уотсон, — произнес генерал голосом, который кадеты Академии ВВС знали очень хорошо. – Вы только что похоронили три сотни пассажиров и уничтожили самолет стоимостью сорок миллионов долларов. Ваше эго оказалось больше, чем здравый смысл. Вместо ухода на второй круг вы решили сыграть в рулетку с туманом. Вы отстранены от полетов до прохождения полного повторного курса.

Пилоты в зале оцепенели. Списать Уотсона? Легенду Pan Am?

Дэвид Кэмп посмотрел на последний ряд и вызвал следующего:

— Гордон Кэмп!

Гордон резко поднялся, снял китель и быстрым шагом направился к тренажеру. Гордон двигался с легкой грацией человека, который абсолютно уверен в каждом своем шаге. Его глаза блестели азартом.

Когда Гордон уже заносил ногу над порогом кабины, генерал Кэмп резко поднял руку, останавливая оператора тренажера.

— Подождите, — сказал Дэвид. – для капитана Кэмпа мы усложним задачу. Давайте перенесем наш рейс в Чикаго. О'Хара. Оператор, введите дополнительные вводные: длина полосы ограничена, покрытие – мокрый лед со снежной кашей. Коэффициент сцепления – минимальный.

По залу пронесся тяжелый вздох. Сажать 747-й в сплошном тумане, без радиовысотомера, да еще и на скользкую как мыло, укороченную полосу, где тормоза практически бесполезны – это было чистое безумие за гранью всех инструкций.

Гордон обернулся у самой двери тренажера:

— Понял вас, сэр. Чикаго так Чикаго. Постараюсь не поцарапать обшивку.

Внутри кабины Гордон мгновенно преобразился. Весь его лоск слетел, уступив место полной концентрации. Он проверил приборы, подтянул ремни и посмотрел на взволнованного второго пилота – молодого парня, у которого от сложности заданий уже выступила испарина на лбу.

Привет, капитан, — спокойно сказал Гордон, настраивая барометрический высотомер. – Наше метро отправляется. Твоя задача – читать мне скорость и высоту по барометру каждые десять футов после сотни. Главное – вколотить машину точно в полосу и не промазать мимо торца.

За стеклом пульта генерал Кэмп внимательно следил за мониторами. Он щелкнул тумблером: отказ радиовысотомера. Стрелка рухнула. В ту же секунду компьютерная модель симулятора содрогнулась от мощного бокового удара ветра.

На экранах оператора было видно, как серебристый гигант Pan Am швыряет из стороны в сторону в белом цифровом месиве.

— Триста футов! Двести! Снос вправо! – напряженно докладывал второй пилот из динамиков.

Гордон вел Боинг, чувствуя машину спиной, через вибрацию кресла, как это делал на «Фантоме». Вместо того, чтобы паниковать из-за отсутствия точной высоты, он использовал старый трюк полярной авиации – высчитал вертикальную скорость снижения и соотнес ее с глиссадой.

Уотсон до него совершил ошибку – он потянул штурвал на себя, пытаясь «нащупать» землю, и потерял скорость. Гордон сделал ровно наоборот. Он слегка отдал штурвал от себя, намеренно заставляя тяжелую машину жестко атаковать полосу. На мокром льду и снежной каше нельзя садиться мягко – колеса просто «всплывут», начнется аквапланирование и самолет вынесет с полосы. Нужно пробить этот лед весом самолета.

— Двадцать футов! Десять!

УДАР!

Симулятор содрогнулся. Гордон буквально припечатал Боинг к полосе точно в зоне посадочных знаков. Шасси выдержали. В тот же момент, не давая машине соскользнуть с полосы, Гордон рванул рычаги реверса всех четырех двигателей на максимум и до упора выпустил интерцепторы на крыльях. Ревущие потоки воздуха полетели вперед, осаживая гиганта. Огромный куб симулятора бешено затрясся, имитируя как стойки шасси режут снежную кашу. Тормоза на льду не работали, но бешеная обратная тяга двигателей делала свое дело. Нос самолета слегка повело влево, но Гордон ювелирным движением педалей выровнял машину.

Тренажер плавно качнулся и замер. На главном экране оператора загорелись зеленые буквы: ПОСАДКА УСПЕШНА. ОСТАТОК ПОЛОСЫ 120 ФУТОВ.

В зале повисла ошеломленная тишина. Пилоты начали переглядываться. Кто-то тихо присвистнул. Гордон сделал невозможное – он посадил неуправляемую махину вслепую на каток.

Тяжелая дверь симулятора открылась. Гордон Кэмп вышел наружу. Он выглядел слегка уставшим, но было видно, что он сам остался доволен этим испытанием. Гордон подошел к пульту и остановился около отца в ожидании обратной связи.

Генерал Дэвид Кэмп медленно закрыл свою кожаную папку. Он пытался оставаться в роли строгого руководителя, но казаться объективным было крайне сложно – Гордон показал классическую хватку пилота старой школы. Генерал говорил громко, чтобы было слышно всем в зале:

— Технически – выполнено безупречно, капитан Кэмп. Посадка в пределах зоны. Но.. – Дэвид сделал паузу, и пилоты в зале удивленно переглянулись, — вы перегрузили шасси при ударе о полосу на 2,1G. В реальном полете пассажиры в первом классе пролили бы свой кофе, а наземным техникам пришлось бы проверять стойки шасси. Учтите на будущее, капитан.

Гордон едва заметно улыбнулся:

— Есть, сэр! В следующий раз постараюсь поберечь их кофе.

Генерал Кэмп кивнул в ответ и перевернул страницу в своем планшете:

Продолжим, джентльмены. Следующий – капитан Майкл Орсер!.

10

Офис регионального управления PanAm. Два дня спустя.

Залитый солнцем кабинет вице-президента по кадрам и логистике Фрэнка Лоуренса разительно отличался от прохладных ангаров учебного центра. Здесь пахло дорогим одеколоном, кубинским табаком и паникой.

Лоуренс, без пиджака, с расстегнутым воротом рубашки, нервно мерил шагами ковер, пока генерал Дэвид Кэмп спокойно сидел напротив, положив руки на колени.

На столе перед Лоуренсом лежала стопка личных дел с жирными красными штампами: ОТСТРАНЕН ОТ ПОЛЕТОВ. НАПРАВЛЕН НА ПЕРЕПОДГОТОВКУ. Наверху стопки покоилась папка Ричарда Уотсона. Всего – семь фамилий. Семь командиров широкофюзеляжных Боингов-747.

Лоуренс резко остановился, заложил руки за спину и уставился на генерала:

— Дэвид, какого дьявола вы творите? Семь человек! Семь КВС первой категории за два дня! Вы списали Уотсона, у которого налета больше, чем у всех остальных вместе взятых! Вы заблокировали Сильву и Майерса! Кто, по-вашему, будет управлять бортами на трансатлантических рейсах? Вы сами сядете за штурвал? Или, может, ваш чудо-сын будет летать круглосуточно? У нас и так жесткий дефицит пилотов из-за расширения маршрутов в Латинскую Америку! Нью-Йорк требует прибыли, а вы режете мне летный состав.

Генерал Кэмп даже не моргнул. Он ждал, пока Лоуренс переведет дыхание. Для Дэвида эта тирада была настолько незначительной, по сравнению с совещаниями в Пентагоне и орущими начальниками, что он даже удивился, насколько его мало задевает то, что пытался до него донести Фрэнк.

— Фрэнк, успокойтесь. Вы задыхаетесь. – Кэмп слегка наклонил голову. – Когда Сейвелл нанимал меня в Нью-Йорке, он просил меня «закрутить гайки». Я делаю именно то, за что мне платят.

— Билл Сейвелл просил реформировать курсы, а не устраивать резню! – Лоуренс ударил ладонью по стопке папок. – Семь экипажей – это дыра в расписании на три недели. Вы понимаете, сколько Pan Am потеряет на неустойках и отменах рейсов в Лондон и Париж? Дерегуляция душит нас, Дэвид! Нам нужны самолеты в воздухе, а не на земле!

Кэмп медленно встал. Он казался огромным в этом залитом солнцем кабинете, тень от его фигуры упала на стол Лоуренса.

— Эти семь человек, которых вы защищаете, Фрэнк, провалили простейший симуляционный сценарий. Они ослепли в тумане, потеряли приборы и вместо того, чтобы уйти на второй

круг – как велит инструкция и здравый смысл – решили рискнуть жизнями пассажиров ради своего уязвленного престижа. Уотсон «разбил» машину. Майерс срезал крылом виртуальную диспетчерскую вышку. Если я пущу их в реальное небо завтра, в пятницу тринадцатого они похоронят по триста человек каждый. Сколько Pan Am потеряет тогда, Фрэнк?

Лоуренс отвел взгляд, его челюсть упрямо сжалась. Он был бизнесменом и считал доллары, но Кэмп считал совсем другое.

— Вы слишком академичны, Дэвид. Это симулятор. В реальности они бы справились, включился бы адреналин.

— В реальности адреналин их и убивает, — жестко отрезал Кэмп. – Мой сын посадил эту машину на лед не потому, что у него играл адреналин, а потому, что он умеет слушать приборы и контролировать кабину. Ваши ветераны — они считают себя ковбоями. А ковбоям за штурвалом Боинга делать нечего.

Генерал подошел к столу, взял ручку и аккуратно постучал ею по стопке личных дел.

— Мое решение окончательное. Эти семь пилотов остаются в Майами, пока не научатся работать по новым стандартам CRM. Если совет директоров недоволен – пусть увольняет меня. Газеты с радостью напишут, что Pan Am выставила генерала ВВС за то, что пытался спасти их пассажиров от авиакатастроф. Думаю, после этого акции компании упадут еще быстрее, чем от дыры в расписании.

Лоуренс тяжело опустился в свое кресло и начал тереть ладонью глаза. Он понимал, что Кэмп поймал его в капкан. Этот британец не гнулся перед сенаторами в Колорадо-Спрингс, не согнется он и перед графиками вылетов авиакомпании.

— Ладно, — выдохнул вице-президент. – Две недели, Дэвид. У вас есть ровно две недели, чтобы вбить в их упрямые головы ваши новые правила и вернуть их в строй. Иначе Сейвеллу придется лично объяснять акционерам, почему наши «Джамбо» ржавеют на стоянках.

Кэмп кивнул и направился к выходу.

— Им хватит десяти дней, Фрэнк. Мои инструкторы будут гонять их в три смены. Доброго дня.

***

Закрытый клуб пилотов PanAm. Пятница. 19.30

В баре, пропахшем виски и ментоловыми сигаретами Salem, расположились четверо пилотов из списанной семерки. Гордон Кэмп сидел чуть поодаль, в полумраке углового кожаного дивана, лениво разглядывая в руке стакан со льдом и бурбоном. Он был без кителя, в одной белой рубашке с расстегнутым воротом и ослабленным галстуком.

Капитан Нейтан Сильва – один из тех семи, кого генерал Кэмп развернул на тренажере за то, что тот «срезал крылом вышку», — был уже изрядно пьян. Его лицо пылало, а галстук съехал набок. Он три года летал КВС на Боинге-747, считал себя невероятным летчиком и не мог пережить, что его, сорокалетнего аса, отчитали как кадета перед строем.

Заметив Гордона, Сильва тяжело поднялся, прихватив свой стакан, и направился к его столику. Мужчины у стойки притихли.

Сильва бесцеремонно грохнул стакан на столик Гордона и тяжело опустился на диван напротив.

— Эй, Кэмп, — Сильва криво усмехнулся, глядя на Гордона мутными глазами. Наш золотой мальчик. Герой. Ты-то у папы проскочил, поздравляю. Генерал подписал тебе аттестацию не глядя.

Гордон даже не повернул головы. Он продолжал смотреть, как тает лед в его стакане.

— Уходи, Нейт. Ты пьян. Поговорим в понедельник на трезвую голову.

— Нет, мы поговорим сейчас. – Сильва подался вперед, обдав Гордона перегаром. – Весь этот бред с CRM, с обучением…Скажи мне, Кэмп, а твой папаша всегда был таким тугим,

оборзевшим солдафоном? Или у этого престарелого британского ублюдка маразм начался только тогда, когда его пинком под зад вышвырнули из Колорадо-Спрингс за то, что он не умеет договариваться с нормальными людьми?

Сильва не успел договорить слово «людьми» - Гордон не просто разозлился – в нем мгновенно сработали рефлексы пилота-истребителя. Движение было коротким, точным и молниеносным. Гордон вскочил с места, перемахнул через столик и врезал Сильве снизу вверх прямо в челюсть.

Удар был страшным. Стокилограммового Сильву буквально выбросило через спинку, он кувырнулся назад, с грохотом снося соседний журнальный столик и разбивая чужие стаканы. Бармен закричал. Пилоты у стойки вскочили с мест.

Сильва лежал на полу, держась за сломанную челюсть, сквозь его пальцы просачивалась кровь. Гордон стоял над ним тяжело дыша, с разбитыми костяшками правой руки. Его уже держали за плечи другие пилоты, опасаясь за здоровье Сильвы.

— Еще раз откроешь пасть в сторону моего отца, Сильва, — тихо, зловеще пообещал Гордон, — и в симулятор ты больше не вернешься. Никогда. Потому что я сломаю тебе обе руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.